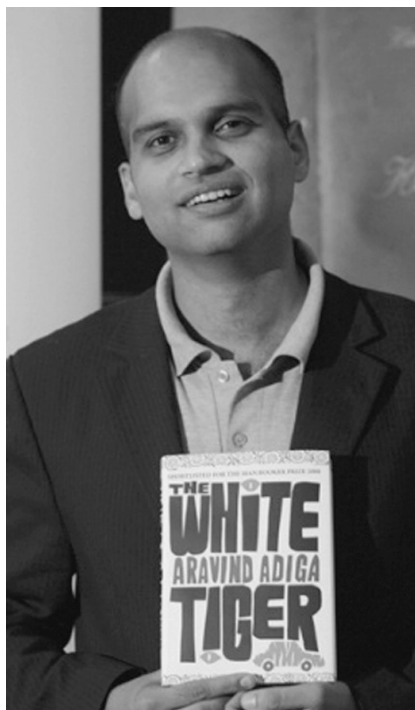

Аравинд Адига - лауреат Букеровской премии за 2008 г. Премия Адига получил за свой первый роман «Белый тигр».

БЕЛЫЙ ТИГР

М.Л. САЛГАНИК

Кавалер ордена Падма Шри

Букеровская премия 2008 г. досталась тридцатитрехлетнему индийскому писателю Аравинду Адиге за роман «Белый тигр». Аравинд Адига стал пятым индийцем, получившим премию Букера за сорок лет ее существования. Его предшественниками были В.С.Найпол (1971), впоследствии ставший Нобелевским лауреатом, Салман Рушди (1981), получивший в 1993 г. Букер Букеров, Арундати Рой (1997) и Киран Десаи (2006).

члены жюри сочли роман в равной мере и шокирующим, и увлекательным. Роман справился с невероятно трудной задачей: завоевать и сохранить симпатию читателя к бескомпромиссному негодяю. «Белый тигр» очень выигрывает от того, что жгучие социальные проблемы и важные глобальные тенденции подаются в нем в поразительно остроумном ключе... В «Белом тигре» Индия предстает в необычном ракурсе, а сам роман обладает огромными литературными достоинствами».

Образ «бескомпромиссного негодяя» навел председателя жюри на неожиданное сопоставление «Белого тигра» с «Макбетом»: в отличие от четы Макбетов, которые терзаются мыслью о содеянном, «Белый тигр» мучается из-за того, что мог бы так и не решиться на злодейство.

На пресс-конференции после получения премии А.Адига рассказал о том, что послужило стимулом - и дало ему материал - для написания «Белого тигра»:

«Опыт моего возвращения в Индию. Я жил и учился за пределами Индии с 15 до 28 лет. В 2003 г. начал работать корреспондентом журнала «Тайм», мне пришлось много ездить, и я открыл для себя ранее совершенно мне неизвестную сторону Индии».

Верно сказано: кто бы ни открыл воду, это была не рыба. Можно утверждать, что биография Адиги сделала из него земноводное, и это дает ему определенное преимущество как перед живущими в родной стихии рыбами,

так и перед обитателями суши, которым вода чужда.

Вот он возвращается на землю отцов, воочию видит умопомрачительную разницу в образе жизни имущих и неимущих, но его, земноводного, поражает не столько пропасть между ними, сколько отсутствие протеста низов и самоуспокоенность верхов, их уверенность в том, что это в порядке вещей.

Он живет в Дели, он, естественно, входит в тесное соприкосновение со средним классом, точнее, с социальной структурой «хозяева-прислуга», и удивляется тому, что «хозяева» ведут себя так, будто в Индии ничего не изменилось, будто это в природе вещей: человек из среднего класса рожден, чтобы ему служили, а человек из низов - чтобы обслуживать его.

А между тем, идет глобализация, индийская экономика переживает бум, но бедным ничего от него не перепадает, и пропасть расширяется буквально на глазах!

Во время поездки в Америку Адига говорит Х.Сахни из «Бруклин рейл»:

«В Индии всегда было так: если ты беден, а кто-то неслыханно богат, то это просто факт жизни - вроде жары: можно жаловаться, но протестовать бессмысленно. И хотя большая часть населения Индии всегда жила в нищете, преступность всегда была сравнительно невелика. Но теперь ослабевают скрепы общины, касты и семьи. И появляется множество соблазнов, которые часто вызы-

Аравинд Адига родился 23 октября 1974 г. в Мадрасе (ныне Ченнаи) в семье хирурга, эмигрировавшего в Австралию, когда его сыну было 15 лет. Учился он сначала в Сиднее, в Высшей сельскохозяйственной школе, затем изучал английскую литературу в Columbia College Колумбийского университета, который закончил в 1997 г., после чего продолжил учебу в Magdalene College Оксфордского университета.

Хотя Адига с детства мечтал стать писателем, трудовую жизнь ему пришлось начать с работы бизнес-корреспондента в «Файненшл Таймс». Затем в течение трех лет, начиная с 2003 г., он был корреспондентом журнала «Тайм» по Юго-Восточной Азии и жил в Дели. В настоящее время Аравинд Адига живет в Мумбаи.

Выступая на вручении премии, Майкл Портильо, председатель жюри, сказал:

«Жюри было трудно сделать выбор, потому что в окончательный список вошли очень сильные кандидаты. В конце концов, победил «Белый тигр», поскольку

вают у бедных острую неудовлетворенность и озлобление...»

У земноводного возникает вопрос: почему уровень преступности в Индии значительно ниже, чем в Нью-Йорке, Южной Африке или Латинской Америке, где именно нищета является главной причиной высокой преступности? Адига убежден в том, что в индийском обществе образуются новые линии напряжения, ему кажется, что впервые зреет протест на классовой основе - и не может понять, почему этого не замечает средний класс.

«Белый тигр» - первый индийский роман о поистине тектонических сдвигах, вызываемых напором глобализации на «неисправимо иерархическое общество» Индии, построенное на кастовой системе, тысячелетиями (не веками!) обеспечивавшей стране устойчивость в силу своей сопряженности с системой мироздания - не больше и не меньше.

Аравинд Адига первым принял попытку исследовать средствами искусства глубинные перемены в социальной структуре и менталитете, которые переживает страна. Центральной фигурой романа он сделал человека из «низов», одного из тех, кого обходит стороной процветание последнего десятилетия. По статистике, таковые составляют около двух третей населения Индии. Метафорой их жизни Адига сделал «Мрак», которому противопоставит «Свет» экономического процветания.

В беседе с Х.Сахни писатель раскрыл генезис этой метафоры:

«Однажды ночью в Калькутте я разговаривал с рикшами, мусульманами из Бихара, и когда спросил, не легче ли было бы работать в поле, даже батрачить, чем так маяться в городе, один ответил мне: Вам кажется, что мы живем в грязи и темени, а для нас это город света. Дома, в деревне, вот где мрак».

«ИСТОРИЯ МОЕЙ ЖИЗНИ»

«Белый тигр» - роман в письмах. Семь ночей подряд Балрам Халвай - «Белый тигр» пишет их премьер-министру Китая Вэнь Цзябао, уединившись в огромном, обставленном по всем канонам болливудской кино-роскоши офисе своей фирмы в городе Бангалоре, центре Силиконовой долины Индии. Услышав по радио о предстоящем приезде китайско-

го премьера в Бангалор, да еще о его желании встретиться с местными предпринимателями и непосредственно от них узнать, как они пришли к успеху, Балрам Халвай решает рассказать ему об индийском предпринимательстве - «через историю моей жизни».

«Дамочка по радио сейчас все объяснила, - пишет он, - получается, что вы, китайцы, во всем нас обогнали, только с предпринимателями у вас неважно. А в нашей стране, хотя у нас плохо с питьевой водой, электричеством, канализацией, общественным транспортом, с представлением о гигиене, с дисциплиной, правилами вежливости или пунктуальностью - предприниматели у нас есть. Тысячи и тысячи предпринимателей. Особенно в области технологии. И эти предприниматели, то есть мы, создали все эти аутсорсинговые фирмы, которые теперь, по сути, крутят Америкой».

И продолжает: «Из уважения к свободолюбию китайского народа, а также в уверенности, что теперь, когда наш бывший хозяин, белый человек, погубил себя мужеложством, мобильными телефонами и наркотиками, за будущее мира отвечают желтые и темнокожие, я безвозмездно предлагаю вам правду о Бангалоре».

Балрам Халвай сообщает премьеру, что хоть сам он родился во Мраке, но сумел подняться к Свету благодаря собственным стараниям и «акту предпринимательства»:

«Учитите, Ваше Превосходительство, Индия - это две страны в одной: есть Индия Света и есть Индия Мрака... Океан приносит свет в мою страну. Всякое место вблизи океана на карте Индии живет в благополучии. Но река несет мрак в Индию - черная река...

О какой черной реке я пишу - о какой реке Смерти, чьи берега питаны густым, темным, липким илом, который засасывает все вырастающее на нем, удушает и не дает ничему развиваться?

Конечно, о матери Ганге, дочери Вед, реке озарения, всех нас оберегающей, разрывающей цепь бесконечных рождений. Где протекает эта река - вся та местность есть Мрак».

И предостерегает китайского премьера:

«Не омывайтесь в Ганге, если не хотите набрать полный рот дерьма, соломы, размокших останков человеческих тел, падали и

семи разных видов промышленных кислот».

Дальше он рассказывает о себе: родился в деревне Лакшмангарх, отец был рикшей и рано умер от профессиональной болезни, от туберкулеза. Вскорости за ним последовала и мать. Так что он не знает, каким именем нарекли его родители: дома звали просто Мунна, малыш. Балрамом его записал деревенский учитель, а год рождения позднее наобум поставил староста, когда собирал голоса для выборов. «Тебе 18 уже исполнилось? Не знаешь? Ладно, будем считать, что да».

О родной деревне, расположенной недалеко от Бодх-Гайя, прославленного места, где обрел просветление Будда, герой романа отзывается нелестно:

«Что-то я сомневаюсь, что Будда проходил через Лакшмангарх, как говорил в народе. Я лично думаю, что он должен был со всех ног промчаться по этой деревне и удрать без оглядки».

Мысль о том, чтобы самому удрать без оглядки не то, чтобы не сразу пришла ему в голову - просто не было ничего, чем она могла бы питаться.

Сначала Балрам пристроился вытирать столики и помогать на кухне в деревенской чайной. Взяли потому, что он из касты халваи, изготовителей сладостей (от всем известного слова «халва»). Выгнали за вороватость и лживость, да еще хозяин ославил на всю деревню. С большим трудом уговорил старика-шофера из соседнего городка взять его в ученики - тот сперва упирался, считал, что халвай не место за баранкой. Сладости пусть делает.

Позднее в письме китайскому премьеру Балрам счел нужным растолковать ему, что такое кастовая система в Индии.

КАСТА - ЭТО СУДЬБА

«Халвай, это моя каста - моя судьба. Во Мраке кто услышит мое имя, тому сразу же все обо мне известно. Но если мы халвай, то почему мой отец не сласти готовил, а был рикшей? И почему я рос тощим, черным и хитрым, а не упитанным, гладким и улыбочвым, как положено ребенку на сластях взрослому?»

Объясняю - когда наша страна была великой и самой богатой на свете, она была устроена как зоопарк - как чистый, хороший зоопарк, где у каждого свое место. Ювелиры здесь, пастухи там.

Халваи готовят сласти. Пастухи за коровами смотрят. Неприкасаемые дерьмо убирают. Женщины ходят с покрытыми головами.

А потом, 15 августа 1947 года, когда ушли англичане, эти политики из Дели пооткрывали все клетки, животные набросились друг на друга, и закон джунглей заменил порядок зоопарка...

Отец моего отца, наверное, был настоящим халвай, но кто-то из другой касты захватил его лавку - с помощью полиции. А моему отцу не достало сил отбиваться, вот он и оказался в грязи, упал до уровня рикши, а я лишился судьбы упитанного, гладкого и улыбочивого.

Короче говоря, это в старину в Индии была тысяча каст, а теперь только две: Большие животы и Тощие животы. И только две судьбы: жри сам или сожрут тебя».

Пробившись в шофера, Балрам сумел втереться в дом местного богатея. А когда тот купил машину для своего сына Ашока, вернувшегося на родину из Америки с американской женой, оказался за рулем новенькой «Хонда-сити» - подсидев прежнего шофера:

- Ты кто по касте? - спросили Балрама.

- Халвай.

- Пьешь?

- В нашей касте не пьют.

- Готовить будешь, когда не за рулем?

- Сэр, я отлично готовлю и сладости умею делать, уже много лет занимаюсь этим...

- Поразительно, - засмеялся Ашок. - Это только в Индии возможно: держать шофера, который будет тебе сладости готовить. Приступай с завтрашнего дня».

Так Балрам Халвай вырвался из безнадеги Мрака в Свет городской жизни. Да еще въехал в него за рулем «Хонда-сити» - не ночевал под мостами, не голодал, как сотни тысяч приезжающих в города в поисках заработка. Сразу попал в Гургаон, гламурнейший из пригородов Дели, по утрам в лифте поднимался в хозяйскую квартиру, на 13-й этаж отделанной мрамором новостройки из крольчатника для прислуги, где поселили его.

Хозяин неплохо относился к нему, даже иной раз защищал от придирок и капризов жены. Правда, когда хозяйка спяну задала уличного мальчишку,

Ашок без колебаний перекладывает вину на Балрама. Балраму велят подписать письменное признание, заверенное семейным адвокатом в присутствии... бабушки Балрама, о чем свидетельствует ее подпись.

В тюрьму он не сел, потому что в полицию не поступало заявление о гибели бездомного ребенка.

Хозяин не испытывает угрызений совести: Балрам - никто, слуга, один из многочисленной, легко возобновляемой челяди. Балрам не протестует, ему и в голову не приходит бежать от незаслуженной кары, или рассказать правду на суде. Он принимает хозяйскую волю как должное: так устроена жизнь, богатым все можно, бедным ничего нельзя, что в темной деревне, что в сияющем огнями городе.

Но только во Мраке деревенской жизни различия между имущими и нищими имели религиозную санкцию, оправдание в виде кармы - исключаящей саму идею несправедливости, ибо все зависит от достойного или недостойного поведения человека в прошлых жизнях. На Свету же об этом как-то не вспоминается...

Через три месяца Балрам Халвай зарезал Ашока и скрылся, прихватив с собой красный чмоданчик с наличностью, которую Ашок собирался занести влиятельному государственному чиновнику.

Может быть, во Мраке Балрам не решился бы на этот свой «акт предпринимательства», но Свет наполнил его решимостью любой ценой вырваться из Мрака. И здесь он понял главное: Мраком правят традиционная иерархия, а Светом - предприимчивость и опора на собственные силы. Он увидел Свет и понял, что это хорошо. И определил для себя разницу между Бангалором и Лакшмангархом:

«Понимаете, мистер Цзябао, не то, чтобы приехав в Бангалор, вы увидели тут одну только моральность и порядочность. В городе свои бандиты и политики. Но здесь, если человек желает вести себя хорошо, он может. В Лакшмангархе у него нет этого выбора. И в этом разница между этой Индией и той - в выборе».

Но цена выбора - убийство...

ОН БЕЛЫЙ ТИГР

Тигру положен тигровый окрас. Белый тигр - аномалия. Он

рождается белым из-за дефекта гена, отвечающего за пигмент. Природа компенсирует дефект: белый тигр крупнее, сильнее и свирепее нормальных сородичей. Замечено также, что белый тигр плохо поддается приручению.

«Пока он еще белый тигр, но лет через двадцать вполне может оказаться обыкновенным тигром», - говорит Аравинд Адига корреспонденту «Таймс», а свой роман называет «портретом общества на грани смуты».

Автор «Белого тигра» во всех своих интервью, статьях и публичных выступлениях не устает повторять, что написал не политический трактат, а художественное произведение, и все, написанное им, есть вымысел:

«В «Белом тигре» нет ни одного реального персонажа. Но все - до мельчайших деталей - построено на субстрате индийской реальности. Загаженные больницы, винные лавки, базарные проститутки - все реально, я видел это, странствуя по Индии, бродя по вокзалам, автобусным станциям, трущобам. Я вступал в разговоры и слушал, что говорят вокруг - из подполья среднего класса постоянно доносится глухое ворчание или рычание, но никто не вникает в этот гул. Балрам есть то, о чем вы бы узнали, если в один прекрасный день заговорили бы трубы и краны вашего дома».

Соответственно, нет реального прототипа и у Балрама Халвай. Опираясь на свои наблюдения и опыт общения, Аравинд Адига построил композитный образ человека из низов, обреченного по рождению на пожизненную нищету и бесправие, но в своем герое автор укрупнил некоторые черты. Писателю требовался персонаж, не испытывающий почтения ни к традиционным устоям, ни к институтам демократического государства, исполненный решимости любой ценой подняться наверх «с самого низа кучи». Слуга, способный хладнокровно убить хозяина, украсть деньги, скрыться от полиции и обдуманно войти в новую роль.

Этот образ должен был быть предельно достоверным, чтобы читатель не усомнился в его подлинности: «Мне было важно, чтобы мой герой говорил голосом бедного, не совсем обычного, но все же типичного индийца, с его юмором, с его злостью, с его саркастичностью и с его способностью ценить красоту», - говорит

писатель английскому журналисту Скотту Саймону.

Поэтому в окончательном варианте романа, который вначале был написан от третьего лица, Адига сделал Балрама Халвай повествователем, чтобы представить читателю жизнь, как ее видит, понимает и объясняет сам Белый тигр.

Его Балрам Халвай умен и предприимчив, напорист и уверен в себе. Он прекрасно разбирается в людях и умеет использовать их слабости. Коррупцию, казнокрадство, ханжество политиков, произвол сильных и власть имущих, известные ему с молодых ногтей, он воспринимает как норму жизни. Он отнюдь не борец за справедливость, он - за собственное благополучие. Законченный индивидуалист и законченный прагматик, готовый жить по законам современного мира: как он их понимает. В том, что понимает их правильно, у него нет сомнений: «Я - это завтрашний день!» - заявляет он.

Путь Белого тигра из Мрака в Свет - это путь из бихарской глухомани в Бангалор. Адига не случайно выбрал эти географические координаты карьеры своего скандального героя. Бихар и Бангалор - полюса современной индийской действительности, вектор развития страны в последнее десятилетие: штат Бихар, самый отсталый в Индии по всем показателям, получивший прозвище Коровьего пояса, и Бангалор - гордость и надежда страны, сердце ее Силиконовой долины.

НЕВИДИМКИ

В ответ на обязательный вопрос: кто из писателей оказал на вас влияние? - Аравинд Адига называет трех африкано-американцев - Ральфа Эллисона, Джеймса Болдуина и Ричарда Райта, книги которых открыли Америке глаза на реальности разделения нации по расовому признаку.

Судя по «Белому тигру», сильнее всего оказалось воздействие романа Эллисона «Невидимка», который открывается фразой: «Я невидим просто потому, что меня отказываются видеть». Роман появился в 1952 г., год спустя Эллисон был удостоен Национальной премии - движение за гражданские права делало первые шаги, Мартин Лютер Кинг еще не стал священником, никто и помыслить не мог, что че-

рез полвека с небольшим у Америки будет чернокожий президент.

Когда едешь по Дели или его нарядным пригородам, по Гургаону, Фаридабаду, Нойде, вперемежку с пятизвездочными отелями, банками, офисами, развлекательными центрами и торговыми галереями мелькают скопления хибарок, над которыми реет тряпье на веревках, а в пыли копошатся чумазные дети. В этом самострое живут «понаехавшие» из деревень: строительные рабочие, грузчики, рикши, уборщики, садовники, сторожа, автослесари, слуги, рассыльные, разносчики... Им повезло - другие спят прямо на улицах.

«Я уехал из Гарлема, но я по-прежнему окружен Невидимками. Мы одной расы, и кожа у них того же цвета, что моя, но я их не вижу, - пишет Адига в английской газете «Индепендент» вскоре после выхода в свет «Белого тигра». - Если вы приедете в Дели, я скажу вам: «в этом городе поздно садятся ужинать». Тысячи людей - рабочие, рикши, попрошайки - в девять вечера, завернувшись в тряпье спят на тротуарах, заполняя их до самой обочины, а я, проезжая мимо, буду заверять вас: «не видел я в Дели человека, который ложился бы спать раньше полуночи. Это город ночных развлечений». И что невидимо для меня, станет невидимым и для вас. До того дня, когда Невидимка не скажет кулаками: «Ты сначала увидь меня!»

Средний класс не видит их, хотя они живут бок о бок с ним и постоянно видят, как богато и самодовольно живет он. Невидимки необходимы для его комфорта, но их много, эта дешевая рабочая сила неиссякаема и восполняема, поэтому ее не замечают.

«ВЕЛИКИЙ СРЕДНИЙ КЛАСС»

Средний класс Индии не живет без прислуги. В эпоху формирования среднего класса, еще в колониальные времена, он подражал манерам колонизаторов, потом это превратилось в статус-символ. И сохранилось по сей день, когда дома состоятельных горожан наполнены бытовыми приборами - стиральными и посудомоечными машинами, холодильниками, микроволновками и прочим.

В многоэтажных новострой-

ках стремительно растущих индийских городов обязательно предусматриваются клетушки для прислуги, впрочем, как и в государственных квартирах, предоставляемых высшим чиновникам. В кварталах средней руки слуги приезжают утром и уезжают вечером, обслужив несколько семейств. Иногда небогатые семьи нанимают на работу подростков, почти детей, которые ночуют там же, где работают - но не пользуются хозяйскими удобствами. Бывает, выписывают прислугу из деревень или привозят бедных деревенских родственников, которые ютятся, где придется. Работает прислуга, сколько хозяева прикажут, выходные получает, когда хозяева пожелают отпустить.

Средний класс - огромный по численности - оказался главным бенефициаром экономического бума, он все богатеет и разрастается за счет тех, кто сумел воспользоваться стремительным развитием ИТ (информационных технологий), которые и стали двигателем индийского прогресса в последнее десятилетие.

В числе «новобранцев» в средний класс много молодежи из бедноты - и не только городской, но и деревенской, сумевшей получить техническое образование ценой поистине сверхчеловеческих усилий. «Истории успеха», обожаемые индийскими СМИ, чистейшая правда, каждая становится ролевой моделью для сотен тысяч юнцов - наверх пробиваются десятки. Вливаясь в средний класс, они радостно перенимают его образ жизни, в первую очередь обзаводятся прислужкой. Трудно представить себе молодого программиста - японца или француза, - который начал бы с этого, но Индия - особая страна.

В былые времена нередко поколения прислуги обслуживали поколения состоятельных горожан, становясь почти домочадцами - мемуарная и художественная литература запечатлели образы преданных индийских Савельичей, хитрованов Осипов и даже Фирсов. Но времена изменились, а вместе с ними и характер среднего класса, и отношение хозяев к прислуге.

Средство есть сообщение само по себе - знаменитая формулировка теоретика СМИ Маршалла Маклюэна. Новые технологии, насыщающие Индию, несут в себе менталитет индивиду-

лизма, который теснит коллективистский менталитет Индии: кастовый, клановый, семейный. Анкетирование группы молодых специалистов по ИТ показало: подавляющее большинство в качестве мотивации выбора профессии называет деньги и личный успех.

Обновляющийся средний класс все больше проникается новой идеологией, становится носителем нового менталитета: он откровенно рвется к деньгам и только к деньгам, больше не прикрываясь манифестным идеализмом, характерным для него раньше. Для «новых индийцев» характерно манифестное потребительство, демонстрация статуса и пренебрежительное отношение к низшим.

А что же низшие? Как относятся прислуга к хозяевам? Слуги подворовывают, если удастся, отлынивают, как умеют, но не протестуют. Какой протест? Хорошо, что работа нашлась.

«В Индии существует пропасть между богатыми и бедными, но сознательной идеологии протеста в Индии нет», - говорит Адига корреспонденту «Санди таймс».

Пока нет. Но Балраму Халваи, бангалорскому предпринимателю, снятся кошмары:

«Снится, что я струсил и дал мистеру Ашоку уйти, что я все еще в Дели, что я по-прежнему слуга - но тут я просыпаюсь. Нет, я это сделал! Я его убил!»

КТО ЗА И ПРОТИВ

Как и следовало ожидать, «Белый тигр» сразу привлек к себе внимание (Букеровская же премия - да еще за первый роман!), но острый резонанс, который он получил и накал споров вокруг него, - это к премии уже отношения не имеет.

У западного читателя роман, безусловно, вызвал интерес - но интерес, в общем, предсказуемый: необычный образ Индии, талантливо написанный (неизбежные сравнения с Салманом Рушди), Индия без экзотики и т. д.

Индию роман потряс - читающую Индию, то есть средний класс, поскольку только он читает книги в Индии.

Поначалу посыпались негодующие отклики: Адигу, конечно же, обвинили в очернении всего индийского, в поношении индуизма, в стремлении подольститься к Западу и отсутствию патрио-

тизма. Правда, иные из негодующих все же признавали достоинства «Белого тигра». Газета «Индиан экспресс» опубликовала письмо своего читателя: «На одном уровне «Белого тигра» можно просто выбросить из головы как очередное очернительство Индии. Автор осуждает все индийское и обрушивается на индийские пороки - кастовая система, нищета, пропасть между богатыми и бедными и т.д. - уже достаточно раскритикованные многими индийскими писателями, которые пишут на английском. Читая роман, то испытываешь неловкость за то, что ты индеец, то неловкость за то, что будучи индийцем, ты его читаешь. Но, к сожалению, всякий раз как захлопнешь книгу, желание узнать, а что же дальше, заставляет опять раскрыть ее. В этом сила «Белого тигра». Роман захватывает и увлекает...»

Обвинения в очернительстве и непатриотичности Аравинд Адига просто отмечает: «Это реальность жизни большинства индийцев, поэтому важно, чтобы писали о ней, а не только о 5% населения моей страны, которым хорошо живется. Не знаю, что может быть патриотичней, чем выступать с требованием лучшей доли для двух третей моих соотечественников», - отвечает он своим обвинителям.

Писатель утверждает, что написал нужный для Индии - и своевременный - роман: «Литература может заставить читателей реагировать на происходящее вокруг, а сейчас именно в этом нуждается Индия, где бурные перемены опрокидывают традиционные системы иерархии, но об этом мало пишут», - говорит Адига корреспонденту «Гардиан» и ссылается на пример таких писателей, как Флобер, Бальзак и Диккенс, «чьи произведения помогли Франции и Англии понять свои социальные беды».

Ниранджана Рой, которая ведет литературный Интернет-журнал «Китабхана», признавая литературные достоинства «Белого тигра», не видит, в чем новаторство романа: «Адига написал классную книгу, и его Балрам Халваи теперь останется с нами. Но вся-

Аравинд Адига с Букеровской премией.

кому начитанному индийцу известно, что Адига далеко не первый, кто заглянул туда, куда - как полагают западные рецензенты «Белого тигра» - не заглядывали индийские писатели».

С ее мнением можно поспорить - Адига все-таки первый.

Действительно, в индийской литературе с XIX в. существует традиция сострадательного отображения бедных и обездоленных. Позднее, тема обойденных судьбой зазвучала и в кинематографе (не в «болливудском!») - достаточно вспомнить увенчанные международными кинопремиями фильмы знаменитых режиссеров 50-х - 70-х гг. Сатьяджит Рая или Мринал Сена. Но какие бы образы ни рисовали литература или кинематограф - реалистические или сентиментальные, - нет среди них ни одного, даже отдаленно напоминающего Балраму Халваи. Условно - весьма условно - все они соотносятся с героем «Белого тигра», как «Хижина дяди Тома» с африкано-американской литературой протеста.

Что Балрам Халваи останется в сознании Индии - в этом нет сомнения. У него могут появиться многочисленные клоны - масскультура вряд ли упустит такой лакомый кусочек, его имя может сделаться нарицательным, но раз появившись, он будет жить.

Станет ли «Белый тигр» для Индии тем, чем некогда были в Америке первые афро-американские произведения протеста? Будда говорил: «Когда камень падает в пруд, никому неизвестно, как далеко пойдут круги по воде».